

Д. К. Зеленин

**Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах
европейских народов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
Д11

Д11 **Д. К. Зеленин**
Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов / Д. К. Зеленин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 78 с.

ISBN 978-5-458-24706-1

Дмитрий Константинович Зеленин (1878-1954) - известный российский и советский этнограф. Этнографические работы Зеленина посвящены, главным образом, материальной культуре и верованиям восточных славян. Его работы признаны во всём мире. В представленной книге автором изучаются индоевропейские культы поклонения деревьям и связанные с ними заместительные обряды человеческих и животных жертвоприношений, а также древние поверья, связанные с деревьями. Книга тех, кто интересуется индоевропейской историей и культурой.

ISBN 978-5-458-24706-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

мические отношения: деревья считались тотемами и в качестве тотемов были неприкосновенными. За нарушение строителями здания этой неприкосновенности деревья-тотемы мстили людям, лишая жизни строителя или первого обитателя дома. Чтобы предупредить эту неприятную перспективу, строители заранее подставляли мстящим деревьям человеческую жертву — ребенка, пленника, а после — раба, животное, и этим обманывали тотема, который удовлетворялся жизнью человека или животного и прекращал свою месть.

* * *

Почти в каждом старом сборнике саг и других фольклорных материалов разных западноевропейских народов можно встретить рассказы о замуровании, о заживо похороненных людях. Мы приведем несколько таких рассказов, больше для примера. Уже Яков Гримм в своей „Немецкой мифологии“ 1835 г. собрал немало фактов из прошлого европейских народов, а Рих. Андре в 1878 г. присоединил к европейским сагам параллели из Африки, Азии и с островов Океании. Ф. Либрехт и Эд. Тэйлор дали им анимистическое объяснение — как жертвы духам земли. Наиболее часто и обычно „жертвою“ в Западной Европе были дети. „На протяжении всего средневековья и до новейших времен, писал Андре, повсюду живет и распространена сага о невинных детях, которых замуровывают в фундаменты домов, о разведенном на крови мальчиков цементе длястроек, об единственных сыновьях строителей, которых замуровывали в замки мостовых сводов. Жертвы эти предназначались прежде всего для того, чтобы обеспечить прочность и долговечность постройки: крепости через эту жертву становилось, будто бы, неприступными, готовые уже обрушиться стены продолжали стоять и держаться, а душа замурованного человека считалась верным стражем здания, спасая его от гибели, от землетрясения, от наводнения, от наступления врагов“.¹

В Баварии, недалеко от гор. Ансбаха, в деревне Фестенберг сохранялись развалины старого замка, принадлежавшего в самом начале средних веков знатному роду Vestenberg. В 1855 г. местная 80-летняя старуха рассказала об этом рыцарском замке следующее: Когда его строили, то сделали в стене особое

¹ R. Andree, *ibid.*, 18.

сиденье, куда посадили ребенка и тут замуровали. Дитя плакало, и, чтобы его успокоить, ему дали в руки красивое красное яблоко. Мать продала этого ребенка за большие деньги. Замуровав ребенка, строитель дал матери его пощечину, говоря: „было бы лучше, если бы ты с этим своим ребенком пошла по дворам собирать милостыню!“.¹ Тот же Фр. Панцер приводит из книги 1847 г. „Саги и легенды гор. Магдебурга“ следующую легенду: В Магдебурге, по распоряжению короля Оттона, строили крепостные стены. Ворота крепости три раза обрушивались при этой постройке, несмотря на все старания сделать их возможно более прочными. Тогда обратились с запросом к астрологу, и он ответил: чтобы крепостные ворота стояли, надо замуровать в них мальчика, добровольно отданного на то своею матерью. Одна из фрейлин жены Оттона, королевы Эдиты, по имени Маргарита, в это время чем-то провинилась и должна была покинуть королевский дворец. Тогда же у Маргариты был убит в сражении ее жених, а ее сокровища похитили воры. Чтобы не оставаться бесприданницей, Маргарита предложила для замурования, за большую сумму денег, своего маленького сына. При постройке новых крепостных ворот сделали особую нишу таким образом, чтобы сидящее в ней дитя не было раздавлено камнями и чтобы оно не могло задохнуться без воздуха. В эту нишу и был посажен маленький сын Маргариты; перед ртом его укрепили булку. Узнав обо всем этом, новый жених Маргариты покинул ее, и она должна была уехать в чужие края. Через 50 лет она вернулась дряхлой старухой и стала просить о христианском погребении для своего загубленного сына. Юный каменщик поднялся по высокой лестнице на верх крепости, отодвинул там несколько камней в своде и увидел нишу, а в нише человеческую фигуру, которая смотрела на каменщика сверкающими глазами. Это был, будто бы, маленький седой старик, длинная белая клокатая борода которого спускалась книзу и глубоко вросла в камни. Над головой его была, между двумя каменными плитами, ямка, где устроили себе гнездо птицы; они, будто бы, и приносили замурованному пищу. Приставили еще одну лестницу, и по ней поднялся уважаемый всеми гражданами архитектор. Вдвоем они смогли извлечь из ниши седого человечка, причем оба потом клятвенно уверяли, что

¹ Fr. Panzer, Bayerische Sagen und Bräuche, Bd. II, München 1855, 254, № 457.

в момент извлечения фигура издавала стоны. Но когда ее вытащили на свет, то с удивлением увидели только безжизненный окаменелый труп Маргаритинового ребенка.¹

В Тюрингии прежде был город Либенштейн, стены которого считались неприступными, так как при постройке их была замурована живая девочка. Трогательная сага передает об этом так: Маленькую девочку купили для данной цели у матери-бродяжки. Девочке дали в руки булку, и она думала, что мать с нею играет, шутит. Когда девочку замуровывали, она сначала видела окружающих и кричала „мама, мама, я еще вижу тебя!“ Потом она говорила мастеру: „дядя, оставь мне хоть малюсенькую дырку, чтобы я могла через нее смотреть“. Растроганный мастер отказался продолжать свою жуткую работу, и ее закончил молодой ученик-каменщик. В последние минуты ребенок еще кричал: „Мама, мама, я больше тебя совсем не вижу!“ Один вариант этой же саги добавляет: мятущаяся тень матери еще и теперь блуждает по развалинам гор. Либенштейна и в соседнем лесу на горе. По другому варианту саги, девочка, когда ее замуровывали, кричала о помощи, всячески упиралась, брыкалась руками и ногами, но ничего не помогало. В течение целых семи лет после того слышались по ночам крики замурованного ребенка, причем со всех сторон на крик его слетались галки и кричали еще жалобнее, чем ребенок. В этих галках окрестное население видело души бесчеловечных строителей, которые будто бы должны будут летать вокруг замка до тех пор, пока там лежит хотя бы один камень на камне.²

Близкую к этой сагу рассказывали также и об основании теперешней датской столицы, гор. Копенгагена. Нужно было сделать насыпь на месте будущего города, но, сколько раз ее ни начинали делать, она всякий раз оседала. Тогда взяли маленькую девочку, посадили ее на стулик за стол, дали ей игрушки и лакомства. Пока она играла и ела, двенадцать мастеров возвели над нею каменный свод, причем сага повторяет тот же самый диалог между матерью и маленькой девочкой, которая считала всё происходящее игрою и шуткой. Замуровав девочку, датские строители с музыкой и весельем насыпали

¹ Panzer, *ibid.* II, 560. — Von Relfsieg, *Sagen u. Legenden der Stadt Magdeburg*, 1847, I, 5.

² August Witzschel, *Kleine Beiträge zur deutschen Mythologie aus Thüringen*, Bd. I, Wien 1866, 281, № 5; Bd. II, 1878, 63, № 74.

новую насыпь, которая и держится нерушимо в течение многих веков.¹

Шведская сага гласит: На западе Готланда, в Kålland, когда-то строили церковь. Тогда еще считалось обязательным замуровывать в фундамент здания кого-либо живого. Строители весьма кстати увидели двоих нищих — маленьких детей, идущих по дороге. — „Не хотите ли поесть?“ — спросили нищих строители. Те с радостью согласились. Рабочие усадили их среди камней, дали им хлеба и масла из своих запасов. Пока дети ели, каменщики вывели над ними свод, и над этим сводом была построена церковь.²

В Саксонии, около Рейхенбаха, строили железнодорожный мост в долине Гольч и долго не могли его соорудить, так как не находили твердого грунта: что за день успевали сделать, то за ночь разрушалось. Наконец, строители замуровали одного ребенка. Когда разнесся слух о том, что для Гольчского моста ищут живую жертву, то появление на улицах одного учителя гимнастики в белой одежде и с веревкой в руке так напугало детей, что они все с криком разбежались по домам.³ И в германском городе Галле, когда в 1841 г. строили Елизаветинский мост, то народ верил, что требуется замуровать дитя.⁴ В Сербии, в Смедерево, в 1928 г. владельцев одного желтого автомобиля публика заподозрила в том, будто бы они собирают детей для постройки большого моста из Белграда в Панчево: этот мост тогда строила одна немецкая компания.⁵ Настолько живуча вера в этот обычай!

Судя по местным легендам, и в Грузии, на Кавказе, некогда был обычай — при закладке здания, особенно же крепостных стен или башен, зарывать под фундаментом человека, чтобы обеспечить этим прочность постройки. Сказание о Сурамской крепости передано также и народной песней „Сурамисцixe“.

¹ Jacob. Grimm, Deutsche Mythologie, Göttingen 1835, 665 ff.

² Из материалов Фольклорного архива в Упсале, администрации которого приношу свою признательность за любезное сообщение ряда данных по рассматриваемому здесь мною вопросу. Landsmals — Arkivet, vergl. Johan Götland, Säger och folklir i Västergötland, Uppsala 1926.

³ Panzer, ibid. II, 255.

⁴ Ad. Wuttke u. E. H. Meyer, Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart, Leipzig 1925, 300, § 440.

⁵ Edm. Schneeweis, Grundriss des Volksglaubens u. Volksbrauchs der Serbokroaten, V Celju 1935, 213.

Когда строили Сурамскую крепость, стены ее несколько раз обрушивались. Тогда царь приказал разыскать одинокого человека с единственным сыном и этого сына зарыть. Нашли вдову, у которой был единственный сын Зураб. В песне приводится диалог матери с замуравываемым сыном. Сначала мать просит Сурамскую крепость „хорошо сберечь ее сына“. Потом несколько раз спрашивает сына: „по какое место (заложен)?“ Тот отвечает сначала: по щиколотку, по живот, по грудь, по шею, окончился. Слезы плачущего Зураба, по словам легенды, просачиваются сквозь камни и увлажняют стену. Подобную же легенду грузины рассказывали и о Сигнахской крепости, где из стены выступают не слезы Зураба, а кровь — она показывается ежегодно в великий четверг, и прежде некоторые суеверные сигнахцы приходили к крепостной стене, чтобы увидеть, как струится кровь Зураба. Такие же легенды приурочены были к крепости Уплис-цихе на правом берегу р. Куры и к некоторым старинным крепостям быв. Борчалинского и Тифлисского уездов.¹

Дети же — частая строительная жертва в других странах света. В Сенегамбии встарь перед главными воротами города зарывали иногда живыми мальчика и девочку, чтобы через это сделать город неприступным, и тиран-король Бамбарра велел выполнить такую жертву в большом масштабе. Такая же жертва была совершена при основании города в Верхней Гвинее и в других местах.²

Древнерусское и болгарское название городского кремля, т. е. внутренней крепости, словом „детинец“ некоторые старые авторы связывали с данным обычаем замуравывать детей при основании крепостных стен.³ Но у нас нет достаточных данных к такому объяснению, тем более, что, по легендам славянских народов, замуравывали в новостройках не детей, а молодых женщин. Правильнее выводить термин „детинец“ от прежнего русского наименования военнотружеников термином „дети боярские“.⁴ У славянских народов, в отличие от прочих евро-

¹ Г. Ф. Чурсин, Народные обычаи и верования Кахетии, стр. 8 и сл., Записки Кавказского отдела РГО, XXV, № 2, Тифлис 1905; Ср. Haxthausen, Transkaukasien, I, 136.

² Theod. Waitz, Anthropologie der Naturvölker, II, Leipzig 1858, 197.

³ Andree, *ibid.*, 19.

⁴ А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, I, М. 1910—1914, 209.

пейцев, строительною жертвою становился большей частью первый проходящий мимо. Саги говорят чаще о молодых женах. О покупке жертв нет сообщений.

Широко известна сербская сага о гор. Скутари (Скадр), подробно изложенная в сербской народной песне „Постройка Скадра“. Три года строили три брата Мрлячевича — король Вукашин, воевода Углеша и Гойко — крепость Скадр на р. Бояне. Строили они с тремястами мастеров и не могли возвести даже фундамента, так как каждый раз то, что успевали сделать мастера за день, вила ночью разрушала. Наконец, сама вила сказала с горы Вукашину: „не мучайся, найди брата Стояна с сестрою Стояною, заложи их в фундамент башни, и тогда построишь город“. Однако, брата и сестру с этими распространенными сербскими именами Вукашину не удалось найти. Тогда вила вновь предложила заложить в фундамент крепостной башни жену одного из трех братьев-строителей. Пострадала жена младшего брата Гойко, которая сочла сначала за шутку, когда ее строители окружили бревнами и камнями, и смеялась. А когда она поняла весь трагизм своего положения, когда мольбы ее о спасении были отвергнуты, она просила зодчего оставить отверстие для ее груди, чтобы она могла кормить грудью своего одномесячного сына, а также отверстия для ее глаз — чтобы она могла видеть этого сына. Просьбу Гойковицы исполнили, и она целый год будто бы кормила грудью своего сына Иована. „Как было тогда, — заканчивает песня, — так и осталось: и теперь идет от нее питание — как ради чуда, так ради исцеления жен, у которых нет в грудях молока“. — Примечание Вука Караджича к этой песне-саге гласит: „Говорят, что и теперь из этих просветов, где видны белые груди Гойковицы, течет около стены какая-то жидкость, вроде известки, которую берут себе и пьют в воде женщины, страдающие недостатком грудного молока или болью в грудях“. Другое примечание Вука гласит, что, по сербскому народному поверью, при стройке всякого крупного здания необходимо сначала замуровать человека; таких мест все избегают, если есть возможность пройти кружным путем, так как верят, что можно замуровать и одну только тень, после чего данный человек сам умрет.¹

¹ Вук. Стеф. Карађић, Српске народне пјесме, II. Биоград 1895, 109—117, № 25.

В Болгарии, как и в Сербии, строительными жертвами служили вообще молодые женщины. Южнославянские саги обычно добавляют, что после своего замурования женщины долго продолжали кормить грудью своих младенцев, для чего в стене и делали особые отверстия; что молоко продолжало и после течь из стены. Боснийские женщины близ гор. Тешаня, в полное сходство с болгарками около Кадинова моста,¹ берут на местах замурования женщин старинный цемент и пьют его в молоке, чтобы иметь больше грудного молока для кормления своих детей.²

Аналогичная русская сага приурочена к городу Горькому (прежнему Нижнему Новгороду) и передана в стихах А. А. Навроцким в его книге 1897 г. „Сказания минувшего. Русские былины и предания в стихах“ (стр. 35–50): „Коромыслова башня“. Событие произошло, будто бы, при замене деревянных стен Горьковского кремля каменными. У Навроцкого читаем:

„Завтра вы, мастера, не ленясь, с утра
На работу кремля выходите,
И вон там, у угла, где дорога была,
Вы закладывать башню начните“.
„Так то так... Только, князь, есть обычай у нас,
Что велит зарывать без пощады
Всех, кто первым пройдет в день начала работ
Там, где стену закладывать надо.
Тот обычай не вздор, он идет с давних пор, —
Самый Новгород тем ведь и крепок,
Что под башней одной, за Софийской стеной,
Там зарыт был один малолеток.
Уж кому суждено, тот пройдет всё равно,
Будь то зверь, человек или птица;
А иначе стена ведь не будет прочна,
Да и строить ее не годится“.
„Знаю сам, не забыл и тебя не просил
Я сегодня об этом напомнить,
И Ордынку Сергею вчера поручил
Тот обычай и ныне исполнить.
Завтра он совершит, что обычай велит,
И начнет с мастерами работу...“

¹ Это название моста объясняют из турецкого слова *kaden* „жена“, тем более что и соседняя с мостом деревня носит имя „Невестино“.

² Friedrich S. Krauss, *Das Bauopfer bei den Südslaven*, *Mitteilungen der Anthropol. Gesellschaft in Wien*, 1887, Bd. XVI, 21.

В Горьковском кремле жертвою жестокого обычая оказалась Алена, молодая жена местного купца Григория Лопаты. Она в злополучный день как раз проспала утром, спешила принести воды и возвращалась с ведрами воды на коромысле не кружную дорогою, огибая городскую стену, а более коротким путем — тропинкой по склону горы. В стороне от тропинки, около городской стены, она увидела яму — „словно могила“, и из любопытства подошла к этой яме. Строители тотчас же окружили ее здесь, попросив для вида напоить их водой. Молодницу крепко привязали к доске и спустили в вырытую яму. Вместе с нею зарыли коромысло и вёдра: обычай требовал положить с жертвою всё то, что при ней имелось. Рабочие отказались зарывать несчастную, но главный мастер выполнил это сам, говоря нравоучительно:

„Пусть погибнет она за весь город одна,
Мы в молитвах ее не забудем;
Лучше гибнуть одной, да за крепкой стеной
От врагов безопасны мы будем!“

Итальянская легенда говорит о мосте через р. Арту, который все время обрушивался; наконец, в него заложили жену строителя, и мост держится, только он дрожит, как цветочный стебелек — согласно с тем заклятием, которое произнесла, умирая, несчастная жертва.¹

По словам византийской хроники Малалы, Александр Великий при основании гор. Александрии принес в жертву девицу Македонию; Август при основании Анкиры — девицу Грегорию; Тиверий при постройке большого театра в Антиохии — девицу Антигону; Траян, восстанавливая после землетрясения разрушенный город Антиохию, принес в жертву красивую антиохийскую девицу Каллиопу. Древнехристианский номоканон гласит: „При постройке домов имеют обыкновение класть человеческое тело в качестве фундамента. Кто положит человека в фундамент, тому наказание — 12 лет церковного покаяния и 300 поклонов. Клади в фундамент кабана или быка или козла“.² Таким образом, христианское церковное право не отвергало всего обычая в целом, а только требовало замены человеческой жертвы домашним животным.

¹ Эд. Тэйлор, Первобытная культура, I, 1896, 94.

² P. Sartori, Ueber das Bauopfer, 8.

Польская сага о крепостной башне в Биржах гласит: Князь Радзивилл не мог закончить постройку крепости, так как ему всё что-нибудь мешало. Тогда он объявил, что одарит приданым девицу, которая пожелает сейчас же выйти замуж. Такая девица нашлась, брак был совершен. Но сейчас же после венчания новоженых окружили со всех сторон воины Радзивилла и замуrowали обоих в стену. Ксендз потом проклял за это преступление князя, и Радзивилл был последним паном на Биржах.¹

Обыкновение замуrowывать брачную пару отмечено и в других местах Европы.² Известны, наконец, сказания и о замуrowанных мужчинах. О древнем африканском городе Дагомее, имя которого переводили: „брюхо Да“, сага гласит: Король Такудону бросил в яму живого Да и на нем основал свой дворец, от имени которого потом получила свое название вся страна.³ В Северной Америке у индейского племени Гайда прежде убивали рабов, чтобы зарыть их под угловые столбы нового здания.⁴ Сравнить немецкую легенду о заживо замуrowанном строителе замка: Рыцарь фон-Ухтенгаген строил себе замок в Нейенгагене. Со строителя он взял обещание — построить как только он может лучше, а если тот не исполнит этого обещания, то его заживо замуруют. Когда замок был готов, Ухтенгаген спросил строителя: не можешь ли ты сделать еще лучше? Тот полушутливо ответил: „да!“, и его сейчас же схватили и замуrowали; место, где все это произошло, показывают и теперь.⁵ Здесь новый фольклорный мотив, но основанием для него послужило, конечно, рассматриваемое нами поверье, тем более, что в средние века замуrowание живых людей делалось также и одним из видов квалифицированной казни.

Еще легенды говорят иногда о человеческой крови вообще, которою орошается фундамент новостройки. В Шотландии господствовало убеждение, что древние жители этой страны — пикты, которым местные легенды приписывают доисторические постройки, орошали краеугольные камни для своих сооружений

¹ Jan St. Bystróń, Zakładziny domów. Rozprawy Wydziału Historyczno-Filozoficznego Akad. Um. LX, 1917, 13.

² P. Sartori, *ibid.*, 13.

³ Felix Liebrecht, Zur Volkskunde. Alte und neue Aufsätze. Heilbronn 1879, 287.

⁴ A. Krause, Die Tlinkit-Indianer, Jena 1885, 311.

⁵ A. Kuhn und W. Schwartz, Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche, Leipzig 1848, 77, № 78.

человеческою кровью.¹ Английская легенда о Вортигерне гласила, что он не мог окончить своей башни, пока камни фундамента не были смочены кровью ребенка, рожденного матерью без отца.² Сравнить папуасов Новой Гвинеи, у которых „еще не так давно существовал обычай, требовавший окропления порога нового дома человеческою кровью“.³ Равным образом, у тлинкитов Северной Америки, когда главарь строит себе новый дом, то он сперва удушает одного из своих рабов и его кровью напитывает место постройки.⁴

В Риме, при раскопках Капитолия, была найдена человеческая голова, хотя, по легендам, Нума и пытался подменить в данном случае человеческую голову головкой чеснока.⁵ При разрушении западноевропейских старинных построек, в стенах их вообще часто находили скелеты людей — в гробах и без гробов.⁶

Явное переживание рассматриваемого обычая строительной человеческой жертвы Иосиф Клаппер справедливо видит в одной детской игре немцев Силезии. Игра носит имя „иди через“, от песни:

„Иди, иди через золотой мост;
Мост обрушился, и мы хотим его починить.
Чем? — Травой, камешком, ножкой.
Первый идет, второй идет,
Третий должен быть схвачен“.

Подобная же игра, продолжает Клаппер, распространена в Скандинавии. Золотой мост — мифический; его нельзя отремонтировать естественными средствами. Ремонтирующие прибегают к заклинательной строительной жертве: они замуровывают живое существо. Трава не помогает беде; камень не держит; надо принести в жертву человеческую ногу. Третий идущий замуровывается в фундамент.⁷

Поляки в районе Пржеворска при закладке дома клали на землю хозяина начатой стройки. Приводя этот обычай, Быст-

¹ R. Andree, *ibid.*, 19.

² Эд. Тэйлор, *Первобытная культура*, I, 1896, 95.

³ Фр. Гэрли, *На гидроплане к людям каменного века*, 1935, 94.

⁴ A. Krause, *Die Tlinkit-Indianer*, 162.

⁵ R. Andree, *ibid.*, 19.

⁶ Wuttke-Meyer, *ibid.*, 300, § 400.

⁷ Joseph Klapper, *Schlesische Volkskunde*, 1925, 291.